

Вас люблю

Общая газета,
— 1999 — 1-7 апр. — с. 16

Михаил РОЩИН

В СЕГДА был красив, умен, изыщен, хотел и уметь нравиться: не «раздевал женщину глазами», а видел, прозрачным, опытным взглядом, подходил как к своей, давно знакомой, почти родной — а на женщин такой опытный, до жулика взгляд действует всегда сообразно. Очень уверен был в себе, подобно хорошему охотнику. И бил редко, чтобы без промаха.

Она очень влекла, неудержимо: молодостью, мягкостью, веселым нравом, фиалковыми, зовущими влюбленным глазами, почти открытым телом, — все платья легкие, летние, шея, ноги, руки открыты, — летние матерчатые туфли без каблуков, красноватый загар, коротко стриженные темные волосы, кокетливо схваченные спереди широкой лентой в цвет платья; изнутри руки белели до самых подмышек незгорелой кожей, — он знал уже дивный шелк и нежность этой кожи, — взгляд сам полз по короткопалой широкой кисти, ногти в розовом лаке, и далее по руке, к локтю, не оставляя ни одной родинки, свежей или запыленной царапины, входил в томную тьму подмышечной впадины, когда она поднимала или протягивала руку. Темные весте брови и глаза казались губо-красивы,

когда-то. И ни-когда не думал — вот она, юность, — не думал и не ожидал старости. Но стало пошаливать сердце, без конца, до кровотечений мучил проклятый геморрой. Но это не считал же за беду. Тело оставалось пока сбитым, сухим, мускулистым, кожа не теряла эластичности.

Вера в живую силу воды, подолгу умывался, плескался. При любом случае старался спуститься вниз, к пляжу, принять морские ванны.

Они познакомились на пляже. Он заплыл, вернулся, вышел на берег, мокрый и нелепый, в белых, ниже колен купальных трусах, босоногий. Здесь поджидал его юный поэт Гофман, рядом с ним молодая женщина с милым лицом, глазами, аккуратной фигурой.

— Извините, Иван Алексеевич, вот, будьте знакомы, молодая поэтесса Гали Кузнецова, ваша поклонница, мечтала увидеть вас.

— Что же, с удовольствием, — протянул мокрою, прохладною руку. Сам глядел с интересом: давно не встречал новых, привлекательных лиц.

Множество раз потом они перебирали, вспоминали оттенки этой встречи. Для нее он был знаменитый, почти великий человек, академик, автор любимых ею стихов и рассказов (многие наизусть знала). Она не оробела, впрочем, отвечала на его вопросы. Нелепый Гофман, на которого Бунин поглядывал чуть ревниво, пытаясь угадать

мень, взбиралась все выше, забрела в чужие сады, продиралась сквозь кусты, дошла в царапинах. Он, любивший носить на юге все белое, в парусиновых туфлях, панаме, легкомысленном кепи или канотье, держался храбро, после, для нее, не глядя иногда на одышку или судорогу в икрах. Ничего, ничего, говорил он, и шел, прыгал тоже, ухитрялся в трудном месте подержать или подать ей жестко-надежную, сухую ладонь. Смех ее был молодо-звонкий, почти девичий, — его доносило до выльды, до слуха Веры Николаевны. Вера Николаевна, всех проводив, обычно копошилась во дворе, стирала или стряпала обед. И думала. И кое-что записывала в свои дневник: что было вчера, как они живут, о чем говорили, и как Ян, как Галина. «2 авг. Очень беспокоит Ян — тих, крохот, подавлен. Устал, беспокоит сердце... Он не может работать, отчего очень страдает и, как всегда, ему кажется, что хуже с ним не было...»

К этому времени Бунин прожил со своей женой Верой Николаевной Муромцевой более двадцати лет. Они познакомились в доме писателя Бориса Зайцева. Вера была очень красивой, образованной московской барышней, из хорошей семьи: отец — член Московской городской Думы. Она закончила естественный факультет Высших женских курсов, знала несколько языков, сама переводила Флобера, любила литературу, му-

(не говоря уже о Вере Николаевне, которая своей невинностью обескураживала не одну меня). И среди них был человек, который оказался впоследствии тайным членом французской коммунистической партии. В.Н. не чаяла в нем души, и он много лет жил как член семьи в доме Буниных.

У Нины Берберовой был, конечно, злой язык, но она выражала не только свое мнение: так же, с теми же слетными гонимыми о Бунина довольно многие из эмигрантов. «Бельведер», действительно, кишел народом. Какой-то моряк или докер из Риги прислал Бунину свою первую книгу, жаловался, что не может писать, нет средств, нет работы. Галина и Вера Николаевна заставили Бунина прочесть книжонку этого несчастного Лени Зурова и ничего лучше не придумали, как позвать его в Париж, к ним: здесь, мол, поможем, найдем работу, а пока поживете у нас. Так и вышло. Зуров остался еще одним нахлебником в доме, В.Н. любила его, ухаживала, лечила. Ивану Алексеевичу оказалось как бы и на руку — отлежало Веру от Галины.

Главенство Галины росло с каждым днем. Он не мог работать, потому что мысли о старости, о смерти отравляли сердце. Он продолжал любить свою Веру, быть ей мужем, принимать ее заботы. Но его главная забота, его интерес уже был не здесь.

От старости, от тоски, от греза

вечером страницы, написанные за день. Он проверял, что сделано ею, как учитель, исправлял ошибки и диктовал правила. Она бежала к нему с каждым доморощенным стишком, с любой идеей или вдруг измышленным образом, поворотом сюжета. Все подолгу обсуждалось, обкатывалось, ей нравилось все. Разве Вера не могла быть ему подобной слушательницей, советчицей? Когда-то была. Теперь она только сидела за машинкой, перепечатывая страницы с его нелепым почерком. Он придиричиво выбирал перья, у него была странная манера: держать ручку не между первым и вторым пальцем, как все, а между первым и третьим.

Приезжали и приходили гости: часто Рахманинов с двумя дочерьми, старый приятель Фондаминский, Ходасевич, много других. В Париже зимой тоже часто бывали гости. При чужих Бунин умел непроницаемо сделать вид, что все в порядке, нормально, и Зуров этот за столом, и Галина (ведь она прожила у них несколько лет подряд), и позже близкая подруга Галины, Маргарита, Марга Степун, певица, младшая сестра всем в эмиграции известного журналиста и литератора Фелора Степуна. Публика в эмиграции, подобно подпольщикам, всегда была напряжена, настроена против любого нового лица, всем мерещились большевистские или местные шпики, агенты. Хозяин дома всем видом давал понять, что любые подозре-

А. Нилус. Портрет Ивана Бунина

Последняя страсть

Ивана Бунина

Галина Кузнецова. 1934 г.

зыку, театр. Они много путешествовали: бывали в Турции, Египте, Иерусалиме. Не имея своего дома, жили у ее родителей, на Поварской. Бунин уже был известен, много печатался, ввел ее в круг московской литературной богемы, она со многими дружила. Бунин был нелегкий в общении человек, деспотичен, капризен, раздражителен. Он хотел только писать, никакая женщина, как бы он ни увлекся, не могла отнять его у его Музы. В воспоминаниях Нины Берберовой, хорошо его знавшей, дружившей с ним много лет, есть, к примеру, такой пассаж: «Трудно общаться с человеком, когда слишком есть много запретных тем, которых нельзя касаться. С Буниным нельзя было говорить о символизме, о его собственных стихах, о русской политике, о смерти, о современном искусстве, о романах Набокова... Все не перечислять. Символистом он стирал «в порошок», собственным стихам относился ревниво и не позволял суждений о них, к русской политике, до визита к советскому послу, он был реакционным взглядом, а после того, как пил за здоровье Сталина, вполне примирился с его властью; смерти он боялся, злился, что она есть, искусства и музыки не понимал вовсе, имя Набокова приводило его в ярость. Поэтому разговор часто был мелкий, вертелся вокруг общих знакомых, бытовых интересов. Только очень редко, особенно после бутылки вина, Бунин «распускался», его прекрасное лицо одушевлялось лирической мыслью, крупные, сильные руки дождались облик, и речь его лилась — о себе самом, конечно, но о себе самом не мелком, злобном, ревнивом и чванном человеке, а о большом писателе, не нашедшем себе постоянного места в своем времени. Что-то теплое сквозило тогда в его лице, и это же теплое сквозило иногда в его письмах, и казалось — какая-то нить протягивается между нами, но на следующий день нити никакой не оказывалось, и он силою вещей вдруг отдалялся на бесконечное расстояние. В самом ближайшем его окружении постоянно находились люди, присутствие которых бывало мне тягостно

быв, только молодость. Он привык завоевывать, брать в плен. Бедной киевской мешаночке, без титула, без ролу-племени, без денег, жене какого-то грубого шофера Петра — как было устоять? Он увещал ее золотом своей любви, унижал бриллиантами слов, взглядов, прикосновений, окутал в дорожке меха своей нежности. Он будто проверял себя: есть ли еще силы души на такое?.. Она поняла, она быстро ухватила этот крючок. Теперь она забирала над ним власть. Хотела гулять — он гулял, читать — он читал, ехать купаться — послушно ехал. Они не расставались часами, днями.

Он читал ей вслух или отдавал

ния напрасны: его дом и домашность есть только его дело.

Так он оберегал Галину, отводил от нее сплетни.

Вера Николаевна оставила дневники и письма тех лет, Галина, много времени спустя, уже живя в Америке, тоже написала свой «Грасский дневник». Ни в одном, ни в другом сочинении мы не найдем ни следа ссор, недовольств, злости, даже элементарных подозрений, ревности. Нет, идет обычная жизнь день за днем. С утра Иван Алексеевич поднимает всех на работу, подгоняет Галину: мол, только теперь, в юные годы и можно сделать что-то ценное. Пока он занят своей гимнастикой, Вера и

плескались любовью и радостью видеть мир. То, что она писала, стихи и рассказы, было пока слабо, но он уверил себя в ее способностях и талантах, — почему и взял в ученицы, и Бот знает, как, хитро вертеться, уговорил Веру, чтобы ей жить прямо у них в доме (не ходит же ему куда-то к ней давать уроки, как репетитору). Ум заменяла ей глубокая женская интуиция, броская яркая сексуальность, свобода разговора и поведения. Говорить с нею можно было часами: она слушала его, приткнув розово-молочные губы, отвечала вполголоса, смеялась без жеманства, показывая свежие, молодые зубы, один-два чуть-чуть вкось. Слегка заикалась, тоже очень мило. Все ему в ней нравилось, чем далее, тем больше!

А вот сам себе нравился все меньше. Утром, обривая усы и борода, убирал шетину на шею и кадык, сам себе глядел в глаза через зеркало. Ни морщины, ни олдоев ржавых пятен и некресивая плоская бородавка, вылезавшая на лоб, ни стариковские веснушки на руках не смущали его. Но глаза, его всегда яркая, веселой голубизны глаза сделались стальными, усталыми, не играли прежним огнем. Он рано, в дальнем детстве, когда умерла младшая сестра, узнал смерть, и всю жизнь всюду встречал эту проклятую смерть, и, кажется, не боялся, знал: все смертно и тленно на свете, не будет и меня

связь их, кроме поэзии, готов был уже сказать ей читать стихи прямо здесь, на пляже. Бунин уклонился, предложил прийти к нему в гости. Вообще академик держался запросто, по-пляжному, раз уж так вышло, и она чувствовала: он глядит с интересом.

— Я же тебе понравилась? — спрашивала она потом много раз. — Честно, понравилась?..

Да, сразу понравилась, давно забытый азарт шевельнул сердце: ее молодые глаза, улыбка, фигура, женственность, готовность. Что греха таить, это-то без ошибки умел угадывать: готовность, податливость, очерк губ, мгновенный женский интерес.

Старенькая двухэтажная вилла «Бельведер» прилепилась среди горы высоко над Грассом. Ниже лежала Ницца, белоснежный европейский курорт, еще в давние времена облюбованный русскими. Дорога вниз называлась Наполеоново: когда-то его гвардия проходила здесь. Старые горы пышно покрывали леса, кустарники, виноградники. Виллы утопали в садах.

Все вокруг приглашало к прогулкам, скитаниям по лесам и паркам, — у Ивана Алексеевича был пунктик: бродить и выбирать подходящие виллы, где хотелось бы жить и на другое лето и где, возможно, берут дешевле. Все располагало к праздности, долгим беседам. Галина прыгала с камня на ка-

Г. Кузнецова и И. Бунин. Первый раз в Грассе. 1926 г.

Галина накрывают завтрак. Галина ходит по садику, расправляя цветы, срывает розы.

Князь — домашняя кличка Бунина — первым поднимается наверх, в свой кабинет. Галина — в свою комнату, Зуров в свою. Жизнь еще благополучная, мирная, есть достаток, нахлебники не в тягость. Позже начнется война, перебои с продуктами, топливом, а там вовсе голод и холод, болезни, — но странная эта коммуна не распадется еще много лет, до самой смерти Ивана Алексеевича в 1953 году. Иногда Вера отправляется в город, за продуктами или в церковь, — они остаются одни. Но чаще они уходят на свои прогулки, — даже вечером после ужина. Или бегут в кинематограф, в город. Однажды на прогулке, — сама Кузнецова рассказывала, — купили ветчины, рокфора, бутылку вина и, сев на горке над дорогой, поели. В какой-то другой раз попали на праздник молодежи: «танцуют на том месте, где сорок лет назад было кладбище, а теперь нечто вроде пляжа. Глядя на пляшущую под трехцветным шатром толпу, он взял меня рукой за плечи и сказал взволнованно: «Как бы я хотел быть сейчас французом, молодым, отличным танцевать, быть влюбленным, вести ее куда-нибудь в темноту... Ах, как хорошо!»

Он рассказывал ей свои прежние романы, вспоминал, как родился тот или другой рассказ.

С нею он говорил легко и о символизме, и о своих стихах, — даже разрешил ей на ее вкус отобрать большую подборку для книги, говорили и о художниках, о музыке — она слушала и верила, и сила на него глазами. С нею же обсуждалась вся сложная история насчет Нобелевской премии, когда соперниками его были выдвинуты Мерешковский, Горький, Куприн.

В синема надо было ехать на автобусе. На остановках, в будочках продают билеты на каждый рейс. Не успеешь — жди следующего рейса. Легко вообразить себе в такой небольшой очереди высокого господина в белом, благородного вида, с тростью, в канотье, и с ним невеселую милую женщину дамочку в летнем платье и шляпке. Они общаются непринужденно, смеются, шутят, берут друг друга за руки. Она ловит каждое его слово, — между ними витает амур, ясно, хотя разница в возрасте, видимо, немалая, — впрочем, это могло бы смутить людей в какой угодно стране, — но не здесь же!.. Он галантно подсаживает свою даму в подкативший автобус. Словно школьники, они спешат занять место поэзии, у заднего смотрового стекла, чтобы глядеть на улицу.

Выходят у синема «Олимпии». Там нынче какой-то американский вестерн. Неужели столь благородному господину может нравиться подобное? Как ни странно, да, он по-мальчишески бурно реагирует на лошадей, погоню, пальбу, индейцев. В темноте они держатся за руки и иногда целуются.

И вот так однажды, в этой киношке их нашел Зуров. Человек с фонариком сопровождал его.

— Да, здесь. Это они. Мерси, мсье... Иван Алексеевич, извините, это я... Вера Николаевна послала. Она волнуется, не знает, что говорить... Там звонили из Стокгольма, из Парижа. Чего ей говорить-то?.. Может, сами пойдете?..

— Из Стокгольма?.. Ну, ради такого дела надо пойти. А, Галия? Поидем?..

— Да уж ради такого пойдём... Есть фотография: шведский король в 1933 году вручает Ивану Алексеевичу Бунину Нобелевскую премию. Среди черных смокингов, роскошных платьев, академиков, членов королевской семьи — выделяется простовато — круглое личико Гали Кузнецовой, жены киевского шофера Петра.

Вера Николаевна Муромцева тоже там, — как он мог ее не взять?..

А как Галину мог не взять? Так сильно любил ее, что ли?..

Потом она принесла ему немало мук, настоящих страданий. Она больше не расставалась с Маргой Степун, близкой подругой. Она уехала с ней в Германию, покинув Бунина, потом в Америку.

Она любила и потому делала, что хотела.

Трудно сказать, научил ли ее писать, но этому научил.

Общая газета

Главный редактор номера: Егор ЯКОВЛЕВ
Газета зарегистрирована в Мининформчечети
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
© Общая газета. Перепечатка допускается по согласию с редакцией.
Ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
Отдел рекламы: Тел.: 915-75-23, 915-51-80. Т/ф: 915-26-06
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
Связи с общественностью: Валерий ГАЛЛАЙ, Евгения СОЛЮХИНА Тел.: 915-70-40

Верстка компьютерного центра «Общей газеты»
Технический директор Валерий МАКАРОВ

Отдел распространения: Людмила ЛИР. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» — 288168 экз. (региональный — 212000 экз.)

Цена свободная
Розничное распространение в Московском метрополитене — агентство «МЕТРОПРЕСС» в С.-Петербургском метрополитене — ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ОАО ПО «Пресса-1», 125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.

Номер подписан в печать 31. 03. 99 г. Заказ 759.

МЕТРОПРЕСС

Наш подписной индекс: 32138

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1. Справки по телефону: 915-22-88; факс 915-51-71, e-mail: ogtech@corbina.ru Электронная версия «ОГ» в Internet: www.park.ru; www.nns.ru; www.integrum.ru; www.russianstory.com. Адрес «Гостиницы «ОГ»: 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22

Редактор: Дмитрий ДОКУЧАЕВ, Владимир КИСЕЛЕВ, Анатолий КОСТЮКОВ, Юрий ПАТРИН, Анна ПОЛИТКОВСКАЯ, Юрий СОЛОМОНОВ, Ольга ТИМОФЕЕВА, Владимир УМНОВ, Егор ЯКОВЛЕВ, Виталий ЯРОШЕВСКИЙ. Дирекция выпуска: Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректура).
Руководители направлений: Сергей ВАРИПАВЧИК (СМИ), Дмитрий ГОРБАЧЕВ (информация), Наталья ТРИГОРЬЕВА (город), Ирина ДОМЕНТЬЕВА (мнения), Еран ЖУРАБЕВ (международная жизнь), Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Илья МЕДОВОЙ (мировоззрение), Елена СКВОРЦОВА (право).
Обозреватели: Наталья АЛЯКРИНСКАЯ, Олег ВЛАДИКИН, Максим ГЛИКИН, Елена ДИКУН, Геннадий ЖАВОРОНКОВ, Виктор ЛИТОВКИН, Юрий РОСТ, Борис СИНЯВСКИЙ, Дмитрий СОКОЛОВ, Марина ТОКАРЕВА, Татьяна ХУДЯКОВА.
Представители за рубежом: Эльмира АХУНДОВА (Баку), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Эдуард ГОВОРУШКО (Рига), Лариса ДЯЧУК (Киев), Наталья ДОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Валерий МЕДВЕДЕВ (Берлин), Борис ПАНКИН (Стокгольм), Вадим РЕЧКАЛОВ (Минск), Федор ЮРИКОВ (Прага), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРЯНИ (Ереван), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт).
Исполнительный директор Наталия КЛОЧКО. Финансовый директор Елена ПАНОВА. Директор по развитию Елена РЫМКОВА.